

Е. Э. ЛИПШИЦ

ВОССТАНИЕ ФОМЫ СЛАВЯНИНА И ВИЗАНТИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ГРАНИ VIII—IX вв.

В истории византийского крестьянства одним из наиболее слабо освещенных периодов является время VIII—IX вв. Споры иконоборцев с иконопочитателями поглощали все внимание византийских писателей—современников и, нередко, активных и страстных участников этой борьбы, оттесняя на задний план в их писаниях все прочие факты. Скупые подробностями упоминания о событиях из жизни пестрой, многоэтнической, многоязычной массы населения империи, вклинивающиеся в бесконечные описания церковных споров, занимают в источниках несоразмерно малое место.

Тем не менее, даже и те исключительно скудные и пристрастные сведения, которые вкраплены в сочинения хронистов и историков, поэтов и агиографов, в современную переписку, представляют выдающийся интерес. При их сопоставлении создается впечатление, что именно эта эпоха явилась одним из наиболее напряженных и ярких моментов в борьбе низших классов византийского общества против все усиливавшегося закрепощения.

В первой четверти IX столетия положение масс населения империи было особенно тяжелым. Не прекращавшиеся на протяжении всего VIII в. войны на западе и на востоке с арабами и болгарами, религиозные споры, преследования «еретиков», налоговый гнет, голод, эпидемии, землетрясения привели к массовому обнищанию городского и сельского люда. Разорению народных масс способствовала усвоенная византийским правительством—в дополнение к «обычным» формам классовой эксплуатации—система перебросок целых колоний населения с места на место для преодоления болезненно ощущавшейся убыли рабочих рук в опустошенных округах. На основе все возрастающего массового недовольства широко развертывались повстанческие движения.

Случайные и, несомненно, далеко не полные сведения, содержащиеся в источниках этой эпохи, свидетельствуют о длинной цепи народных восстаний, следовавших друг за другом на протяжении всего VIII в. (локализовавшихся преимущественно в наиболее «неблагополучных» районах поселений славянских племен). Полуподчиненные славянские общины Греции и Македонии вели непрестанную борьбу с византийскими властями, упорно отстаивая свою независимость, отказываясь признавать византийских правителей, платить подати и отбывать повинности. Не

взирая на все репрессии, на следовавшие одна за другой «усмирительные» экспедиции византийских императоров, конечные успехи правительственного оружия были весьма незначительны. Волна восстаний поднималась все выше и выше, угрожая затопить европейские области империи.

Уже через какие-нибудь пятнадцать лет после одной из наиболее успешных экспедиций византийского полководца Ставракия¹ в Пелопоннес, Элладу и Фессалию, после торжественно отпразднованного им «триумфа», славянские племена выступили вновь, подняв оружие против византийских властей. Но восстание 799 г. явилось лишь прелюдией к еще более грозным событиям первого десятилетия IX в. В 807 г. Патры, важнейший укрепленный порт на западном побережье Греции, сильнейший оплот византийской власти в Ахее, оказались в положении осажденной крепости, окруженные со всех сторон, с суши и моря, объединенными силами славянских племен, поддерживаемых арабами².

По распоряжению византийского императора Никифора в неумиротворенные области были введены на постоянное жительство правительственные легионы. Это мероприятие сопровождалось насильственным отчуждением земель, занятых до того славянскими поселенцами. Последние же были выброшены и переселены в другие области империи. Разорение бедняков—пенетов, лишившихся крова и дома, и переброска их в новые места способствовали распространению острой враждебности к правительству далеко за пределами «умиротворенных» районов.

Но и непосредственные участники осады Патр пострадали не в меньшей степени, превратившись в крепостных-энапографов местной метрополии Андрея Патрского. По свидетельству Константина Багрянородного, все славянские общины (*бръдъс*) были вынуждены нести без всякого ограничения тяготы по содержанию приезжих правительственных сановников, военных и гражданских. Более точной фиксации повинностей они добились, повидимому, лишь к концу IX столетия в правление Льва VI (886—912)³. Расправа правительства с повстанцами лишь умножала число враждебных к нему элементов в угнетенных классах византийского общества.

Но и налоговая политика Никифора немало способствовала обострению классовых противоречий. Кроме «обычной» в Византии круговой поруки крестьян-общинников за налоги и повинности, односельчане «омохоры» должны были снаряжать за свой счет рекрутируемых в войска «птохов» и вносить дополнительный сбор в размере $18\frac{1}{2}$ номизм⁴. Это мероприятие легло тяжелым бременем на беднейшие слои византийского крестьянства.

Никифор был мало популярен и в высших слоях общества. Проведение новой описи имущества с увеличением налогового обложения и отмена некоторых потомственных льгот и привилегий византийской знати зна-

¹ Theophan—Chronographia. Ed. de Boor. 1883, стр. 456—457.

² Constantini Porphyrog.—De admin. imperio. Bonn, 1840, стр. 217—220.

³ Там же.

⁴ Theophan., назв. соч., стр. 486. Феофан, описывая это мероприятие Никифора, употребляет термин «аллиленгий», означавший в позднейшие времена (XI в.) взыскание, взимавшееся с динатов (ср. Cedr., II, 456, Zonara, ed. Paris, стр. 124). Однако данный контекст не дает оснований для истолкования термина аллиленгий в вышеуказанном смысле. У Феофана речь идет, по всей вероятности, об обычной круговой поруке крестьян-общинников, *ἐπιβολή*. «Аллиленгий» же, введенный Василием II и отмененный вскоре Романом Аргиром, являлся мероприятием совершенно иным по существу.

чительно подорвали симпатии к правительству в состоятельных слоях земельных собственников.

Наконец, и в церковно-монастырских кругах внутренняя политика Никифора встречала резкое осуждение. Примирительное отношение к «еретикам»—павликианам и атинганам¹, захваты монастырских земель, за счет которых были увеличены императорские домены, отмена податных льгот, дарованных монастырям Ириной²,—все вместе взятое создало в среде церковников и монахов злобную оппозицию против Никифора.

Враждебное отношение к правительству, нарушившему права и привилегии некоторых групп высшего класса общества, побудило их идеологов—церковных писателей и хронистов—включить в свои писания разнообразные, порочащие деятельность этого правительства, материалы. Именно благодаря этому обстоятельству в источники и смогли просочиться обычно замалчиваемые данные, хотя бы отчасти проливающие свет на подлинное положение масс населения империи накануне крупнейшего из известных в истории Византии народных восстаний.

Феофан, давая волю своему раздражению против Никифора, отмечает нищету и разорение бедняков—«пенетов»³ и «птохов»⁴—в начале IX в., упоминая, что «им не могли ничем помочь и имущие, ожидая сами еще более тяжелых бедствий». Крупнейший идеолог иконопочитательской партии, подвергавшийся гонениям при Константине VI, Никифоре и Льве V, Феодор Студит оставил в своей переписке яркое описание тягостного положения мелкого городского и сельского люда в современную ему эпоху. Правда, направляя огонь своей критики не против основ современного им общественного строя, а лишь против той стороны политики правительства, которая задела и их кровные интересы, оба писателя ограничились в своих описаниях характеристикой лишь наиболее бросающихся в глаза последствий финансовых мероприятий императоров иконоборческой ориентации. Но и эти данные до известной степени открывают завесу, обнаруживая действительное положение вещей.

Переписка Федора Студита в этом отношении особенно интересна. Он рисует картину бедственного положения народных масс, беспощадно угнетаемых вездесущими агентами казны⁴. Взыскивая законные и незаконные поборы, налоговые сборщики выкачивали у беднейшего рыбака треть его дневного ничтожного улова. Солдатские вдовы подвергались взысканиям налогов за их умерших мужей. Сапожник, ткач и свинопас, виноторговец и мясник, строитель, медник и парфюмер, рыбак, охотник и птицелов—каждый становился жертвой сборщиков налогов, набрасывавшихся «как какие-то дьяволы» в самых неожиданных местах, на горных тропинках и на морском побережье.

При преемниках Никифора положение стало еще хуже. Болгарская война со страшным нашествием Крума и начавшиеся ожесточенные преследования «еретиков» привели к еще большему обнищанию масс.

¹ Theophan, назв. соч., стр. 488.

² Ibid. стр. 486—487; ср. также J. В u r y—A History of the Eastern Roman Empire, стр. 3—4, 214 и сл.; см. ниже прим. 4.

³ Theophan., назв. соч., стр. 486.

⁴ Theodor. Studita—Epistolae. Migne, PG, t. 99, стр. 931. Феодор Студит, возвращенный Ириной «с почетом» из ссылки, явно преувеличенно восхвалял ее за отмену налоговых тягот, существовавших при ее предшественниках. Факт отмены налогов Ириной следует считать не вполне доказанным. Во всяком случае при ее преемниках старое положение было восстановлено вновь; ср. J. В u r y, назв. соч., стр. 214 сл.

В восточных провинциях империи—в Малой Азии и в соседних районах Кавказа—имело широкое распространение учение павликиан. Их лозунги борьбы с господствующей церковью за упрощение церковного церемониала, против церковной иерархии и паразитического роста монашества и монастырей¹ находили особенно живой отклик в беднейших слоях населения этих районов, видевших в павликианстве знамя борьбы с византийскими властями.

Никифор был «милостив» к павликианам, за что его не переставали хулить церковники и монахи. При его преемниках—иконоборцах Михаиле I и Льве V—(не взирая на некоторую общность в иконоборческом и павликианском учениях) против сектантов начались кровавые гонения². Последователи павликианства были фактически объявлены «вне закона». Книги их сжигались. С благословения константинопольского патриарха Никифора множество павликиан было убито. Сектанты спасались бегством, отдаваясь под покровительство эмира Мелитены, укрываясь и укрепляясь в Тефрике, Аргаусе и Амаре. Все они превратились в ожесточенных врагов империи, готовые при первом удобном случае открыто выступить против византийских властей.

Неудивительно, что когда некий Фома из Газиуры поднял в Малой Азии восстание, добываясь захвата императорского престола, он нашел широкие круги приверженцев в самых разнообразных слоях общества. Все недовольные по различным причинам правящим императором устремлялись под знамена Фомы в надежде, что переворот принесет с собой перемену политического курса правительства в желательном для них направлении.

Угнетенные классы боролись в рядах армии Фомы, надеясь добиться при смене власти коренного изменения своего подневольного положения. Сервы (δοῦλοι) восставали против своих господ, стратиоты против своих военачальников³, полупокоренные варварские племена—против византийского ига. Но в то же время движение, быстро переросшее рамки обычных дворцовых переворотов, пытались использовать в своих интересах и иконопочитательские элементы, недовольные иконоборческой политикой Льва V и компромиссным религиозным курсом Михаила II. В лагерь Фомы стекались и приверженцы свергнутого Михаилом Льва V, попавшие при новом правительстве в опалу.

Фома, пользовавшийся широкой популярностью как в силу своего личного обаяния, так и вследствие своих щедрот⁴, быстро создал многочисленную армию. Он вербовал своих сторонников везде, где было возможно.

Огромный размах повстанческого движения, вылившегося в настоящую гражданскую войну, пестрота этнического состава сторонников Фомы, необычайно широкая территориальная экспансия восстания привлекли к нему исключительное внимание византийских писателей и современников. Хронисты и историки, обычно чрезвычайно скупо освещающие выступле-

¹ Conybeare—The key of truth, Oxford, 1898.

² Theophan., назв. соч., стр. 495—496; ср. J. Döllinger—Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, I. Th., München, 1890, стр. 12—13; A. Lombard—Pauliciens, bulgares et bonhommes en Orient et en Occident, стр. 15 сл. и J. Bury, назв. соч., стр. 277—278 и др.

³ Theophanes Continuatus, Bonn (Bekker), 1838, стр. 53; Genesios—Bonn (Lachmann), 1934, стр. 32.

⁴ Там же.

ния народных масс, отводят восстанию Фомы в своих повествованиях значительное место. В сознании современников восстание, несомненно, преломлялось, как факт выдающегося значения. Яркие события борьбы повстанцев с правительственными войсками нашли свое отражение в современной переписке, в литературных произведениях, в летописях, в историографии. Впечатление, произведенное восстанием, было настолько велико, что современный стихотворец сложил ямбы про повстанца Фому, проставив в подзаголовке имя (ἄπερ ὀνομάζουσι τὰ κατὰ Θωμάν)¹.

Повидимому, ходило немало изустных версий о событиях восстания, о самом Фоме, отразившихся в источниках. Уже в IX и X вв. биография Фомы оказалась окутанной легендарными подробностями. У Генесия и продолжателя Феофана можно найти и обычные для средневековой литературы сведения о «вещих» предсказаниях Фоме, сделанных задолго до начала восстания, и следы противоречивых рассказов о его происхождении и жизни.

Сведения о происхождении Фомы и о начальных моментах его биографии настолько не согласованы, что может создаться впечатление о наличии нескольких лиц, выступавших под одним и тем же именем². Так, по данным одного и того же автора (Г е н е с и я), Фома был и армянин и скиф³. По свидетельству другого (продолжателя Феофана)—он происходил из славян (Σκλαβοῦνών), «часто встречающихся на востоке»⁴. По указанию третьего (С и м е о н а М а г и с т р а)—Фома был ромеем⁵.

Фома впервые выступает на политическую арену еще во времена правления Никифора, в качестве одного из сотоварищей Вардана, неудачно восставшего против императора в 803 г. в надежде захватить престол. Позднее, при Льве V, Фома, возвратившись из изгнания, которое он провел на территории халифата, получил назначение турмархом федератов. Незадолго до того, как Лев был свергнут с престола Михаилом, Фома начал борьбу, добиваясь захвата власти в свои руки.

Незначительные военные силы, посланные императорским правительством для подавления восстания, встретились с огромной боеспособной повстанческой армией, с которой они совладать не могли.

Овладение денежными суммами, находившимися в руках у сборщиков налогов, привлеченных Фомой на свою сторону, создало прочную материальную базу для дальнейшего развития движения. Из захваченных средств Фома производил щедрые раздачи своим приверженцам⁶. По свидетельству Генесия, под знамена Фомы устремлялись все многочисленные племена восточных областей империи и прилегающих районов. Длинный перечень влившихся в повстанческую армию племен и народностей Малой Азии и Кавказа находит в своих наиболее важных пунктах подтверждение в официальном письме Михаила Людовику⁷, где в числе сторонников Фомы названы арабы, персы, иберы, армяне, абасги. Генесий пополняет список славянами, гуннами, гетами, лазами и множеством других народностей, рисуя картину необычайно широкой экспансии восстания на тер-

¹ Об этих ямбах сообщает Свидя под словом Ἰρμάτιος. Стихи не сохранились. Ср. В. Г. Васильевский — Труды, т. III, стр. XC.

² Ср. J. Bury — The identity of Thomas the Slavonian, 1892, В. I., стр. 55.

³ Ср. стр. 8 и 32 ук. издания.

⁴ Ср. стр. 50 ук. издания.

⁵ Ср. стр. 621 ук. издания.

⁶ Theophanes — Cont., стр. 53.

⁷ Bagoni — Annal. Eccles., 1743, т. XIV, стр. 63.

ритории, простирающейся от границ Армении до побережья Эгейского моря.

В то же время византийские историки отмечают острую классовую направленность, которую стихийно приняло движение, включившее в свои ряды «всех тех враждебных к господам, на долю которых выпал рабский удел»¹.

Но наряду с угнетенными массами, как уже было отмечено, под общими с ними знаменами находилось много других классово чуждых им элементов, пытавшихся повернуть движение в совершенно ином направлении. Так, повидимому, в рядах повстанцев находилась и часть иконопочитателей и монахов, преследуемых Львом V².

По данным жития Федора и Николая Студита, Михаил, опасаясь перехода находившихся в ссылке Федора, Николая и других на сторону Фомы, вернул их из изгнания. Но опасения императора, что иконопочитательская партия окажет серьезную поддержку повстанцам, были совершенно неосновательны³. Уже один лишь ясно обозначившийся классовый характер повстанческого движения, включение в его состав приверженцев «нечестивых», «еретических» сект должно было отпугнуть представителей церкви и монашества. Заключение вскоре Фомой союз с арабами также мало способствовало росту симпатий к нему со стороны защитников иконопочитания. Наконец, принятое им имя Константина—сына восстановительницы иконопочитания Ирины, зверски ею ослепленного, не могло не оттолкнуть от Фомы монахов, не перестававших петь дифирамбы Ирине за ее покровительство монастырскому землевладению. Все эти причины обусловили собой переход главарей иконопочитательской партии во враждебный Фоме лагерь.

Были в составе повстанческой армии и многие другие группировки и лица, случайно связавшие свою судьбу с восстанием. Так, в частности, на стороне повстанцев оказался племянник Льва V Григорий Птерот, сосланный было Михаилом на остров Скирос. Все эти малонадежные элементы создавали крайнюю неустойчивость и колебания в рядах многочисленной армии, перекочевывая при первом удобном случае в лагерь противника. С развертыванием движения число его сторонников все возрастало. В Малой Азии лишь две фемы остались верными правительству (Армения и Опсикий). Но и в Армении повстанцы имели ряд опорных пунктов. Участие в восстании издавна стойко отстаивавших свою независимость от империи и ее агентов варварских общин македонской Склавинии⁴ влило в повстанческую армию новые силы.

Грандиозная демонстрация мощной армии, проведенная Фомой в Сирии, обеспечила ему поддержку со стороны халифа Мамуна. Заручившись обещанием о признании империи данничей халифата и о передаче халифату некоторых пограничных территорий, Мамун обязался помочь Фоме в его личных притязаниях на византийский престол. Фома был торжественно коронован в Антиохии «базилевсом ромеев»⁵.

¹ Genes., стр. 32.

² «Theodori Studitae Vita». PG, t. 99, стр. 319—320 и там же 105, стр. 900.

³ В другой редакции жития Федора Студита (изданной В. В. Латышевым в 1914 г.) об опасениях императора упоминания нет. Согласно этой редакции, «некоторые из страха, чтобы не быть захваченными Фомой или чтобы не быть вынужденными перейти добровольно к нему, бежали из периферии в столицу. Среди них был и Федор, вместе со многими епископами».

⁴ Vagon., назв. соч., стр. 64.

⁵ Theophanes Cont., стр. 54.

Переход на сторону Фомы провинциального флота эгейской и кивириотской фем, пополненного и укрепленного еще заново отстроенными судами, чрезвычайно облегчил задуманную повстанцами осаду столицы¹. Морские силы повстанческой армии были стянуты к Лесбосу. Сухопутная армия, разделенная на две части, продвигалась тем временем к Геллеспонту. Фома, стоявший во главе первой из них, занял восьмидесятитысячной армией пролив между Сестом и Абидосом. Операциями другой руководил его названный сын Констанций.

Однако намеченный план атаки города с запада через Пропонтиду и с юга оказался неожиданно расстроенным. Ольвиан, предводительствовавший верными правительству войсками Армениаки, удачно использовал момент, когда вторая из армий проходила в беспорядке, внезапно напал на нее. Констанций был захвачен врасплох и убит, войска его потерпели поражение. Под прикрытием ночной темноты Фома перебросил войска в Европу, на фракийский берег, выступив из Оркосиона (*Ὀρκήσιον*)². Несмотря на предварительную усиленную агитационную кампанию, проведенную правительством в этих районах, чтобы восстановить их население против повстанцев, местные жители не только не оказали никакого сопротивления продвижению армии Фомы, но присоединились к ней³. Флот тем временем прошел от Лесбоса в воды Пропонтиды. Неожиданный для правительства успех Фомы во Фракии заставил Михаила спешно мобилизовать силы из оставшихся ему верными малоазийских фем Армениаки и Опсикия. Ожидая нападения противника с моря, правительственный флот расположился в трех искусственных гаванях южной части города. Вход в Золотой Рог был прегражден железной цепью.

Собрав все свои силы, повстанцы приступили в декабре 821 г. к осаде города. С северо-запада была сосредоточена десятитысячная армия под командой Григория Птерота. Морская флотилия прорвалась (открепив, повидимому, цепь со стороны Галаты) в Золотой Рог и поднялась в устье реки Барбиза—в район, где можно было легко установить контакт между морскими и сухопутными силами. Мощная, прекрасно снаряженная различного рода осадными машинами армия, собранная под стенами города, должна была произвести устрашающее впечатление на осажденных уже одним своим видом. Однако добровольной сдачи города не последовало. Осаждающие без труда подчинили себе окрестные селения и окраины города⁴. Задуманный план казался близким к своему успешному осуществлению.

Одним из центральных атакуемых пунктов был избран район огражденного стенами Ираклия Влахернского дворца (в северо-западном углу города). Там (у Космидиона) были собраны главные силы повстанцев, руководимые Фомой. Но, когда разгорелся сухопутный и морской бой, все попытки взять город оказались безрезультатными. Сильный встречный ветер отбрасывал назад пущенные повстанцами с морских судов огневые снаряды. Горящие снаряды падали, не долетая по месту назначения. Атака была отбита. Суровая зимняя пора сильно затрудняла продолжение осадных операций. Осаду пришлось временно снять и отложить дело до весны 822 г.

¹ Genes., стр. 37; Theophanes Cont., стр. 55.

² Genes., стр. 37; Theophanes Cont., стр. 57.

³ Genes., стр. 37—38.

⁴ Genes., стр. 39.

Тем временем правительство значительно укрепило свои позиции, готовясь дать противнику решительный отпор. Была развита усиленная агитация в рядах повстанцев о переходе на сторону правительства; перебежчикам была обещана амнистия. При возобновлении осады император обратился с речью к повстанцам с городской стены, стараясь отвлечь от Фомы его приверженцев. Эта агитационная подготовка дала свои результаты. Одновременно под прикрытием переговоров была подготовлена внезапная вылазка правительственных войск, застигнувшая повстанцев врасплох. Неподготовленность их к бою дала возможность противнику одержать полную победу и добиться снятия осады Влахерн. Общему поражению повстанческой армии способствовало и то, что пропаганда противника привела к предательству в части флота. Перед самым началом морского боя часть судов внезапно направилась к берегу и внесла полную дезорганизацию в ряды повстанцев.

Затянувшаяся осада, поражение на суше и на море, агитация противника расшатали дисциплину в рядах армии Фомы. В пестрой по составу и противоречивой по своим классовым интересам повстанческой армии начались нелады. Григорий Птерот объявил себя вместе с частью войск сторонником правительства. Отступив во Фракию, он стал угрожать повстанцам с тыла. Создалось крайне опасное положение. Но при всех неурядицах основной костяк армии не дрогнул. Не снимая общей блокады города, Фома сформировал небольшой, но сильный отряд из верных людей и стремительно бросился в погоню за Птеротом. Он вскоре настиг и разбил его. Птерот пытался бежать, но был захвачен и убит.

Однако тяжелые потери, которые понесли повстанческая армия и флот в результате кровопролитного боя под Константинополем и измены части войск, не давали возможности продолжать борьбу без пополнения кадров армии новыми, свежими силами. И Генесий, и Феофан сообщают, что Фома обратился с призывом о помощи, разослав повсеместно и, в частности, в Грецию ложные грамоты об одержанной им на суше и на море победе. Обращает на себя внимание тот факт, что просьба о подкреплении была адресована именно в те области (Греция), где лишь недавно было потушено правительством большое восстание славянских племен.

Высказанное одним из буржуазных исследователей (Дж. Бери) мнение, что расчет на посылку подмоги из Греции мог быть основан на том, что восстание Фомы носило иконопочитательский характер, совершенно неубедительно. Как уже было отмечено, иконопочитательские элементы не оказали движению сколько-нибудь серьезной поддержки, на что обратил внимание в другом месте и сам Дж. Бери¹.

Исторически более обоснованным является предположение, что поддержка восстания Грецией была обусловлена наличием там многочисленных варварских общин, постоянно являвшихся очагами противоправительственных восстаний. Ярво выраженный «варварский» характер армии Фомы, отмеченный во всех источниках, указывает на глубокую связь всего восстания с местными варварскими движениями².

Из Греции Фома получил сильное подкрепление в виде большой флотилии (по данным Продолжателя Феофана, в количестве 350 судов).

Летом 822 г. начался новый этап борьбы за овладение Константинополем. Город был атакован одновременно и со стороны Золотого Рога

¹ Ср. J. Вигу, назв. соч., стр. 98 и 116, 109, прим. 3.

² Genes., стр. 32; Theophanes Cont., стр. 55; Georg. Hamart., стр. 784; Symeon Mag., стр. 620; Вагон, назв. соч., стр. 63—64.

(где были сосредоточены остатки старого флота), и со стороны Пропонтиды. Но повстанческие суда потерпели снова тяжелый урон от правительственного огненосного флота. Тем не менее Фома не снимал осады. Борьба продолжалась с переменным успехом до конца года.

Упорство повстанческой армии, запиравшей город, не отступавшей, несмотря на многократные успешные вылазки правительственных войск, невзирая на тяжесть понесенных потерь, на трудности продолжавшейся всю зиму осады, делало положение правительства критическим. Перед императором открывалась перспектива неминуемой сдачи города. Изменить положение могло лишь вмешательство новой силы. Георгий Амартол сообщает, что Михаил обратился за помощью к болгарскому хану Омуртагу¹. Омуртаг спустился со значительными силами с горных высот Хемуса и прошел по пути на Адрианополь, и Аркадиополь. Когда вести о приближении грозной вражеской армии дошли до повстанцев, Фома решил прервать продолжавшуюся уже целый год осаду Константинополя и встретить неприятеля лицом к лицу. Вся сухопутная армия снялась с позиций под Константинополем и двинулась навстречу войскам Омуртага. Лишь незначительное количество военных судов, стоявших в водах Золотого Рога, было оставлено на старых местах.

Болгарская армия, пройдя через Аркадиополь до берегов Пропонтиды, остановилась в районе между Гераклеей и Силиври, в местности, именованной Кидуктос (κατὰ τὸν Κιδούκτος ὑῶρον)². В происшедшей здесь ожесточенной битве (вероятно, в марте или апреле 823 г.)³ болгарских войск с подошедшей армией Фомы болгары понесли большие потери. По словам хрониста Георгия Амартола, многие из их числа были убиты Фомой и его сторонниками. Однако Генесий и Продолжатель Феофана сообщают, что Фома потерпел поражение. Во всяком случае, несомненно, что Фома был вынужден в результате происшедшего боя отступить в горы. Болгары же, нагруженные добычей, ушли.

Тяжелые последствия болгарской интервенции для масс населения империи, в котором еще была жива память о страшном нашествии Крума, возбудили общее осуждение политики императора, призвавшего болгар. Поэтому в официальной версии, сохранившейся и у Генесия, и у Феофана, вся ответственность за поход с императора снята. В изложении этих авторов получается, что Омуртаг самовольно вторгнулся в пределы империи, после того как Михаил вежливо отклонил его предложение о помощи⁴. В письме же Михаила к Людовику об этом неприятном инциденте в истории борьбы с повстанческим движением и вовсе не упоминается⁵, хотя он и определил собой, в большой степени, исход борьбы.

Несмотря на полученный удар, Фома собрал оставшиеся силы в равнине Диабазис, удобно расположенной на подступах к Константинополю (с запада), готовясь дать открытый бой правительственным войскам. Здесь и произошла решающая встреча повстанческой армии с войском Михаила и его полководцев Катакилы и Ольвиана. Из двух столкнувшихся сил первая была измучена более чем двухлетней борьбой без передышки, отрывом от привычных условий жизни, родных полей, жен, детей, вторая же пришла пожинать плоды болгарской интервенции. Не учитывая

¹ Georg. Amart., p. 788.

² Genes., ср. 42; Theophanes Cont., стр. 65; J. Bury, назв. соч., стр. 110.

³ Bury, назв. соч., стр. 464.

⁴ Theophanes Cont., стр. 64 сл.; Genes., стр. 41 сл.

⁵ Baron., назв. соч., 63—64.

огромной усталости своих войск, способствовавшей распространению в их рядах упадочнических настроений, Фома повел их в наступление. Задуманный им план заманивания противника в ловушку, путем симуляции искусственного бегства, осуществить не удалось. В пылу борьбы мнимое бегство местами превратилось в настоящее. Часть войск перешла на сторону императорской армии. Сражение было проиграно. Фома с оставшимися ему верными частями спасся бегством и укрепился в Аркадиополе.

Невзирая на крайне тягостные условия, остатки повстанческой армии, укрывшиеся помимо Аркадиополя и в нескольких других укрепленных пунктах (Визе, Панионе, Гераклее), мужественно держались до конца 823 г. Осада Аркадиополя правительственными войсками затянулась на долгие месяцы. Повидимому, симпатии населения оставались на стороне осажденных. Есть основания предполагать, что правительство вело немалую борьбу за завоевание морального перевеса над противником. Следы этой борьбы запечатлелись в той официальной версии о причинах затяжки исхода борьбы, которая имеется и в письме Михаила к Людовиду¹, и у историков восстания². В освещении этих источников причины сравнительно малой активности правительственных войск коренились будто бы в сознательно проводившейся политике Михаила. Последняя же определялась двумя главными соображениями: стремлением создать впечатление о невозможности брать византийские города приступом (что было рассчитано в первую очередь на варваров) и желанием избежать излишнего пролития «христианской» крови³. Другими словами, затяжка борьбы с загнанным в ловушку противником представлена в этой версии, явно искусственно пропагандировавшейся малопопулярным правительством, как результат «забот» византийских властей о благе народа...

Как бы то ни было, правительство избрало наиболее тяжелый для осажденных путь борьбы, решив взять их измором. Блокада Аркадиополя правительственными войсками привела вскоре к острому продовольственному кризису в малообеспеченном продуктами городе. К октябрю голод дошел до крайности. Люди стали питаться лошадиной падалью. Для сокращения потребления Фома был вынужден принять суровые меры — выслать из города всех неспособных носить оружие, женщин, детей. Часть гарнизона удалось перебросить в Визу, где укрепился второй приемный сын Фомы — Анастасий.

Вскоре плоды пятимесячной осады стали ощущаться и в упадке дисциплины внутри города. Началось дезертирство. При этих условиях Михаилу удалось подготовить заговор в гарнизоне против Фомы, ценою обещания полной амнистии. Фома был выдан императору, подвергнувшему его жестоким пыткам и казни.

Но и после гибели Фомы остальные пункты героически продолжали держаться. Первой из них пала Виза, где был подстроен подобный же заговор. Анастасий разделил судьбу Фомы. Несмотря на происшедшее, Панион и Гераклея не сдавались. Но когда разразилось сильнейшее землетрясение, разрушившее крепостные стены Паниона, город пал. Гераклею же, в меньшей степени пострадавшую от землетрясения, императорским войскам удалось взять приступом. Часть пленных, захваченных

¹ Вагон., назв. соч., стр. 69.

² Genes., стр. 43; Theophanes Cont., стр. 69.

³ Вигу (стр. 104), правильно подметивший искусственный характер этого построения, однако не делает всех вытекающих отсюда выводов.

императором, была приведена на ипподром со связанными руками, часть была сослана. О судьбе остальных в источниках упоминаний нет.

Однако борьба все еще не была кончена. На малоазийской территории две крепости, Кабалла и Саниана, находились в надежных руках Хирея и Газарина, храбрых сподвижников Фомы. Все попытки правительства принудить их к добровольной сдаче путем опубликования хрисовула с извещением о гибели Фомы, с обещанием амнистии оказались безуспешными. Для достижения поставленной задачи агенту Михаила пришлось прибегнуть к изощренным уловкам, пустить в ход и хитрость и подкуп. Получив поддержку внутри города, уже нетрудно было добиться захвата по пути в Сирию обоих сотоварищей Фомы, которых ожидала та же кровавая расправа, что и Фому.

Восстание оказалось разгромленным. Вопросу о причинах крушения этого необычайно мощного по своему охвату движения и об отношении к восстанию Фомы крестьянства византийские авторы—историки восстания—уделяли немного внимания. Описывая подробнейшим образом весь внешний ход военных событий, они ограничиваются лишь немногими, мимоходом брошенными замечаниями для освещения участия народных масс в повстанческом движении. Однако и эти чрезвычайно краткие сведения, вкрапленные в ткань рассказа, могут явиться своего рода вехами, намечающими путь к разрешению проблемы. Сопоставление данных повествований о восстании с прочими материалами, характеризующими положение низших классов византийского общества (также крайне скудными для рассматриваемой эпохи), дает возможность расшифровать эти случайные указания и позволяет точнее определить классовый облик участников повстанческого движения и выявить их роль в судьбах восстания.

Среди крестьянских масс населения империи к VIII—IX вв. одной из наиболее значительных и многочисленных групп стало, повидимому, так называемое свободное крестьянство, жившее в общинах, разбросанных по всей территории Византийского государства. Законодательная регламентация положения этой группы крестьян составила содержание специального «Земледельческого закона», изданного, по всей вероятности, в середине VIII в. и являющегося почти единственным источником, проливающим свет на положение крестьянства в империи в этот период времени.

К числу «свободных» крестьян принадлежали в первую очередь варвары и, в частности, полупокоренное население славянских общин Греции и Македонии. В результате политики насильственных переселений колоний сельского населения с места на место, широко практиковавшейся императорами VII—IX вв. (как мера борьбы с не прекращавшимися повстанческими движениями, как средство для пополнения земледельческих кадров в разоренных войнами, эпидемиями и голодом районах), «свободные» общины получили широкое распространение и в малоазийских областях¹. Обработывая землю, отбывая воинскую и другие повинности, уплачивая налоги, эти новые—недавно покоренные—подданные империи

¹ Уже Юстиниан II переселил после очередной усмирительной экспедиции 688 г. большую славянскую колонию из Македонии в малоазийский округ Опсикий. Та же политика переселений практиковалась и в VIII в. Характерно упоминание Продолжателя Феофана о «славянах, часто встречающихся на востоке», стр. 50; ср. также работу Б. А. П а н ч е н к о — Памятник славян в Вифинии в VII в., ИРАИ, т. VIII, № 1—2. София, 1902.

делили судьбу своих местных собратьев. В новых условиях вольные обычаи и порядки свободного населения независимых прежде общин быстро уступали место классовому гнету и эксплуатации, проникновению которых «Земледельческий закон» открывал широкие «законные» пути. В конечном счете, юридически «свободное» население общин фактически немногим отличалось по своему действительному положению от прочих крестьянских масс, зависимых и «несвободных» и юридически. Подлинное бесправное и подневольное положение беднейших слоев «свободного» населения нашло свое четкое отражение в пенальной системе византийского права этой эпохи.

В законодательстве VIII в. не проводилось резкой границы между «свободными» и «несвободными», если они принадлежали к категории неимущих («апоров», «пенетов», «птохов»). «Пенеты», как и рабы, были не только попрежнему лишены права давать в суде свидетельские показания¹, но и рассматривались законодательством, как категория, очень близкая к несвободным—рабам. В системе наказаний Эклоги грань между имущими и неимущими свободными («евпорами» и «апорами») подчеркивалась гораздо острее, чем между неимущими и рабами. За одни и те же правонарушения имущие-евпоры наказывались денежными штрафами и изгнанием, неимущие же апоры подвергались позорным телесным и членовредительным наказаниям, обычно применявшимся по отношению к рабам. Теми же позорными наказаниями карались (в огромном большинстве случаев без какой-либо дифференциации между свободными и рабами) и массы сельского населения по нормам «Земледельческого закона»².

Византийское подданство несло с собой, таким образом, для членов свободных общин не только закрепощение и фискальный гнет, ярко иллюстрируемый судьбами участников греческого восстания 807 г., но фактически и полное бесправие. Неудивительно, что повстанческие движения VII—IX вв. локализовались преимущественно именно в районах этих неумиротворенных, невзирая на все репрессии, «варварских» поселений.

Многokrатно подчеркнутый византийскими авторами «варварский» характер армии Фомы несомненно указывает, следовательно, на крупнейшую роль так наз. «свободного» крестьянства в восстании. Восстание Фомы выросло и окрепло на основе использования опыта и сил местных повстанческих движений Греции и Македонии. Этим и объясняется его необычайно большой размах. Об участии в восстании славян, живших в окрестностях Фессалоники, источники прямо сообщают³. От племен Греции Фома получил крупную помощь именно в тот момент, когда предательство и измена Григория Птерота грозили опрокинуть все замыслы повстанцев.

Близко родственную «свободному» крестьянству группу в рядах повстанцев составляли и стратиоты, вербовавшиеся из среды «птохов»

¹ В позднейшем византийском праве, как и в римском, пенетом считалось лицо, имущество которого не превышало суммы в 50 золотых—номизм. Ср. *Ecloga ad Prochiron mutata*, XVI, 13, *Prochiron*, XXVII, 13; *Epanagoga*, XII, 8, *Epanagoga aucta*, X, 9; D; g. XLVIII, 2, 10.

² *Ecloga*, XVII, 11; *Ecloga privata aucta*, XVII, 50; *Ecloga ad Prochiron mutata*, XVIII, 11; *Νόμος γερμανικός*, ср. JHS, V, стр. 88 сл. (изд. В. Эшбернера); см. также Th. Mommsen—*Römisches Strafrecht*, 1899, стр. 983 сл.

³ *Thraciae, Macedoniae, Thessalonicae et circumiacentibus Sclavinis*. Вagon, назв. соч., стр. 63.

и «варваров»¹. Выступив против своих военачальников, стратиоты сыграли, повидимому, значительную роль в повстанческом движении².

Но и несвободные—рабы (δοῦλοι), находившиеся на самой низкой ступени общественной лестницы, как уже было указано выше, явились активнейшими участниками восстания Фомы. В поместьях и в вотчинах византийской знати категория несвободных рабов оставалась и в эту эпоху чрезвычайно многочисленной. Рабский труд применялся и в некоторых видах ремесленного производства в городах. На высококвалифицированных рабов—ремесленников, танцоров, кулинару—в начале IX в. был огромный спрос во дворцах константинопольской и провинциальной знати³. Как уже было указано, положение рабов с ходом исторического развития значительно приблизилось к положению низших категорий свободных зависимых людей. Полусвободные зависимые мистоты нередко продавались и покупались, подобно рабам. Повторные запрещения продавать свободных в законодательстве уже сами по себе свидетельствуют о прогрессирующем ходе закрепощения низших беднейших слоев свободного населения⁴.

Таким образом расшифровка термина δοῦλοι, упомянутого византийскими историками при характеристике состава участников восстания Фомы, при учете действительных условий рассматриваемой эпохи должна, вероятно, вывести далеко за пределы первоначального узкого значения этого термина. И, следовательно, к числу «ненавидящих господ, на долю которых выпал рабский удел», нужно причислить наряду с рабами в собственном смысле слова и неимущих свободных—зависимых от крупных землевладельцев, разделявших с рабами их тяжелую долю зависимости и бесправия.

Из числа беднейших слоев населения империи вербовали значительную часть своих приверженцев и павликиане, также отмеченные источниками в числе сторонников Фомы.

Включившись под руководством неизвестных нам вождей в состав повстанческой армии, угнетенные массы добивались коренного изменения своих жизненных условий. Однако ни о каких мероприятиях Фомы, которые затронули бы основы тогдашнего общественного строя—классовой структуры византийского общества, источники не упоминают. Напротив, из указания, что Фома привлек на свою сторону налоговых сборщиков, олицетворявших в глазах народа наиболее ненавистные формы фискального гнета, можно скорее вывести обратное заключение... Фома, по всей вероятности, и не думал ломать установленный порядок вещей, рассчитывая лишь на использование массового движения в своих собственных интересах. Добиваясь захвата императорского престола, он употребил все средства для снискания популярности в самых разнообразных слоях общества, вербуя на свою сторону без разбора всех недовольных правящим императором. В результате этой политики самые разнохарактерные, внутренне-противоречивые и даже враждебные друг другу группировки

¹ Theophan.—Chronographia. Ed. de Boor, 1883, стр. 486. См. также статью Ф. И. Успенского—К истории крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, 1883, кн. 1, ч. ССХV, стр. 326, где автор устанавливает связь между стратиотскими участками и славянскими общинами в Малой Азии; ср. Б. А. Панченко, назв. соч. Н. Скабаланович—Византийское государство и церковь в XI веке. 1884, стр. 303.

² Theophanes Cont., стр. 53.

³ Ср. Theophan.—Chronographia, Ed. de Boor, стр. 486.

⁴ «Le livre du préfet...» publié par J. Nicole, 1893, § VIII, 7; ср. Ecloga, XVII, 16.

собрались под его знаменами. Иконопочитатели встретились здесь с «еретиками» и «неверными», угнетенные классы—со своими эксплуататорами. Представители господствующего класса, участвовавшие в повстанческом движении, разумеется, ни в малой степени не были заинтересованы в каком-нибудь коренном улучшении условий жизни народных масс. Внешний ход событий показывает, что именно эти приверженцы Фомы, переброшенные силой обстоятельств в оппозиционный к правительству лагерь, были готовы по первому же знаку перейти на сторону правящего императора. Характерно, что именно Григорий Птерот и церковники и монахи сыграли позорную предательскую роль в судьбах всего движения. Не менее изменническую роль сыграл монастырский эконо́м крепости Санианы, предавший крепость на последнем этапе борьбы. А главы иконопочитательской партии даже письменно засвидетельствовали свою полную солидарность с кровавой расправой, учиненной правительством над повстанцами. Федор Студит провозгласил, что «убийца справедливо понес заслуженную кару»¹.

При этих условиях ни прекрасное для своего времени техническое оснащение повстанческой армии², ни продуманный на основе использования опыта арабской осады Константинополя стратегический план³, ни исключительный героизм и стойкость народных масс не могли предотвратить неминуемого провала всего движения.

Важнейшие причины неуспеха восстания коренились, таким образом, уже в самой его основе. Стихийный характер движения, связавший в рядах повстанческой армии противоречивые, классово-чуждые друг другу элементы, отсутствие ясной целеустремленности, отсутствие надлежащего руководства болезненно сказались на всем ходе развития событий и определили собой конечное крушение восстания.

Силы реакции вскоре взяли реванш по всему фронту. Грозный натиск народных движений заставил византийскую знать сплотиться во имя защиты общих классовых интересов. Потерявшие свою былую остроту при изменившихся условиях иконоборческие споры завершились восстановлением иконопочитания в 843 г.

¹ Theodor. Studit.—Epistolae, стр. 1415.

² Genes., стр. 39—40. Theophanes Cont., стр. 59—61.

³ Ср. J. Burgu, назв. соч., стр. 98—99.

